

56

80
756

ВОЗРАЖЕНІЕ

НА ОТВѢТЪ

Г. М А Н Ъ Е

НА ЗАМѢЧАНІЯ

ОФИЦЕРА РОССИЙСКАГО ГЕНЕРАЛЬНАГО
ШТАБА,

О ПОСЛѢДНЕЙ

ТУРЕЦКОЙ КОМПАНИИ

сочиненіе

Я. Толстаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЯЧА.

1829.

ВОЗРАЖЕНИЕ НА ОТВѢТЪ Г. МАНЬЕ НА ЗАМѢЧАНІЯ
ОФИЦЕРА РОССІЙСКАГО ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТА-
БА, О ПОСЛѢДНЕЙ ТУРЕЦКОЙ КАМПАНИИ, СОЧ. Я.
ТОЛСТАГО. (Replique à la reponse de M. Ma-
gnier, aux observations d'un officier d'Etat-Ma-
jor Russe, sur la dernière campagne de Turquie,
par J. Tolstoy, ancien officier d'Etat-Major Russe.
Paris, 1829 (*).

Довольно извѣстное изрѣченіе, кото-
рымъ начинается ошвѣтъ на *Замѣча-
нія Офицера Россійскаго Генеральнаго Шта-
ба*, есть одна изъ тѣхъ просионаред-
ныхъ поговорокъ, которыя можно ко все-
му примѣнишь; — я ни мало не затруд-
няюсь опнеспи ее и къ самому Г. Манье.

(*) Нѣкто, Г. Манье, отставной Французскій офи-
церъ, бывшій въ плѣну въ Россіи, написалъ возраже-
ніе на Обзорѣніе кампаніи 1828 года, напечатанное
въ 1-й и 2-й книжкахъ Сына Ошечества и Сѣвернаго
Архива нынѣшняго года. Живущій въ Парижѣ сооте-
чественникъ нашъ, Яковъ Николаевичъ Толстой, из-
далъ замѣчанія на сіе возраженіе, на Французскомъ
языкѣ. Помѣщаемъ доставленный намъ переводъ спа-
шы Я. Н. Т., радуясь, что у насъ есть въ чужихъ
браяхъ усердный и искусный защищникъ ошъ напа-
деній злобы и зависти. Изд.

„Всякъ проповѣдуетъ за своего святаго,“ говоришь онъ весьма краснорѣчиво, и я онъ всего сердца тому вѣрю; но для меня трудно будетъ отгадать святаго, которъ одушевилъ рвеніемъ Сочинителя отвѣща: не святой ли Магометъ? Я бы желалъ въ томъ усомниться; но, читая книжку Г. Манье, всякъ, кажется, убѣдится, подобно мнѣ, что онъ проповѣдуетъ за творца Корана.

Что до меня касается, то я объявляю, что проповѣдую за святую *Истину*; по крайней мѣрѣ таково мое намѣреніе, ибо кѣмъ не подверженъ заблужденію? И я первый сознаюсь въ погрѣшностяхъ, которыя могу сдѣлать и которыя мнѣ будутъ доказаны.

Сверхъ того долженъ я объявить, что Сочинитель *Замѣчаній* о послѣдней Турецкой кампаніи мнѣ оппюдь неизвѣстенъ; я видѣлъ въ его книжкѣ праводущіе, безъ всякаго *хвастовства*, и потому рѣшился написать нѣсколько словъ, чтобы обличить несправедливыя прошивъ него обвиненія Г. Манье. Я шѣмъ болѣе почелъ себя къ тому обязаннымъ, что я самъ Русскій, и что сего офицера нѣтъ въ Парижѣ; по крайней мѣрѣ такъ я думаю.

Признаюсь также, что я не буду въ состояніи опровергнутьъ всѣ показанія Г. Манье, не зная подробно обстоятельствъ дѣла: ибо не имѣю достаточныхъ данныхъ о сей послѣдней кампаніи, душевно сожалея, что не участвовалъ въ оной, не смотря на неудачи, кои за удовольствіе поставляюшъ приписывашъ нашимъ войскамъ.

И такъ, спану разсматривашъ сію книжку не столько въ отношеніи къ самымъ происшествіямъ, сколько въ отношеніи къ сужденіямъ объ оныхъ.

Я самъ, подобно Сочинителю опвѣта, старый служивый, офицеръ съ 1808 году, участвовалъ въ войнѣ 1812 г. и слѣдующихъ, и почишаю себя въ правѣ и даже въ обязанности защититьъ прежнихъ моихъ сослуживцевъ; сожалею только, что не могу довольно основываться на подробностяхъ военныхъ дѣйствій, происходившихъ въ сію кампанію, которыя впрочемъ столь же мало извѣстны и Г-ну Манье.

Если мы хотимъ крипически разсматривашъ кампанію, которую называюшъ *неудачною*, то о дѣйствіяхъ и о послѣдствіяхъ оной должны судить, не ограничиваясь въ толкованіяхъ своихъ одними предположеніями; въ противномъ случаѣ весьма легко было бы оуждать самую

блистательныя кампаніи знаменитѣйшихъ полководцевъ. Г-нь Манье излагаетъ всѣ увѣренія свои слѣдующимъ образомъ :

„Если бѣ Турки вышли изъ Никополя“ и проч. (спр. 9).

„Я предполагаю, что крѣпости спали бы защищаться, и проч. (спр. 12).

„Чтобы могло произойти въ сію кампанію, вели бѣ Турецкіе полководцы лучше расчищывали, и проч. (спр. 12).

„Если бѣ войска Гуссейна-Паши пресѣкли всѣ сообщенія, и проч. (спр. 13).

„Если бѣ, вмѣсто того, чтобы имъ ожидать, пока двѣ колонны Русской пѣхоты дойдутъ до нихъ, чтобы отступить, — они бросились полпой на два дивизіона кавалеріи, и проч. (спр. 13).

„Если бѣ Турки лучше знали положеніе своихъ непріятелей, то могли бы совершенно разбить Русскую армію. (спр. 16).

„Если бѣ Турки хорошо знали войну паршизанскую, что бы произошло съ обоими?“ И далѣе, на той же страницѣ: „Предположимъ, что одинъ изъ сихъ обозовъ былъ бы разбитъ: что было бы тогда съ Русскою арміею?“

Но я не хочу долѣе упоминать чинашеля подобными выписками, и остановюсь

на 16-й страницѣ, предлагаю прочесть сію книжку: онъ убѣдился, что всѣ умствования Г. Манье основаны на *условіяхъ* и на *предположеніяхъ*.

Возвратимся къ началу сего сочиненія. Авшоръ говоритъ такъ:

„Намѣреніе Россійскаго Правительсства ишши прямо въ Константинополь, *который для насъ именуется оно Византією*, дабы мы лучше знали, что это такое, — было споль положишельно, что во всѣхъ письмахъ, полученныхъ изъ Россіи во Франціи въ началѣ кампаніи,“ и проч. Прежде всего спрошу у Г. Манье, есть ли какой нибудь актъ со стороны Россійскаго Правительсства, въ которомъ оно объявляло бы о намѣреніи своемъ ишши въ Константинополь? Онъ долженствовалъ бы имѣть сей актъ, ибо такъ оспроумно забавляешь надъ именемъ Византіи, употребленномъ вмѣсто Константинаполя; что же касаешься до меня, то я никогда не видалъ сего акта и даже не слыхалъ о немъ. Я самъ получилъ не мало писемъ изъ своего опечесства, но въ нихъ ни слова не было сказано о намѣреніи — поспѣшно ишши въ Константинополь. Правда, въ Парижѣ вѣрили сему предположенію друзья образованности: война съ Турцією становилась, по

ихъ мнѣнію, войною Европейскою; о военныхъ извѣстіяхъ провозглашали на улицахъ сей столицы, и здравомыслящая часть Французскаго народа желала успѣховъ нашему оружію. Но непріязненная Россіи сторона въ молчаніи дѣйствовала скрытнымъ образомъ, и доставляла намъ Журналы, наполненные извѣстіями, обезображенными вліяніемъ Турколюбцевъ, чѣмъ, къ великому нашему прискорбію, и опличные люди мало по-малу введены были въ заблужденіе.

Сіи ложныя извѣстія и толки были сѣти, копорыя спавили врагамъ Вандализма люди, взирающіе зависплымъ окомъ на успѣхи Россіи: должно согласиться, что они, къ нашему удивленію, совершенно въ томъ успѣли.

Извѣстно только то, что Россійскій Императоръ, при отъѣздѣ въ армію, отдалъ полкамъ Гвардіи, долженствовавшимъ выступить въ походъ, приказъ, въ копоромъ сказано, что кампанія можетъ быть продолжительна и кончиться не прежде, какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ. Извѣстно также и можетъ служить подтвержденіемъ сего перваго замѣчанія, что когда, въ началѣ кампаніи, предлагали Французскимъ медикамъ вступить въ службу въ Русской